

УДК 94(476):355.401 «1941/1945»

**НЕМЕЦКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННЫЕ ШКОЛЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ОККУПИРОВАННОЙ БЕЛОРУССИИ.
НОВЫЕ ФАКТЫ О ВОЕННОМ, ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОМ И СОЦИАЛЬНОМ
АСПЕКТАХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ СПЕЦСЛУЖБ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ¹**

Романько О. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: romanko1976@mail.ru*

Данная публикация представляет собой рецензию на монографию белорусского историка С. В. Кулинка, в которой рассматривается история создания и деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Белоруссии в период оккупации 1941–1944 гг. Опираясь на значительную базу архивных источников и литературы, С. В. Кулинка удалось воссоздать целостную картину этой стороны противостояния советских и нацистских спецслужб в период Великой Отечественной войны. В монографии анализируется система немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Белоруссии, а также их ведомственная принадлежность. Рассматриваются главные аспекты их деятельности, связанные с особенностями подготовки агентуры и основными направлениями ее использования (советский тыл и борьба с партизанским движением). Показана база, откуда нацисты черпали кадры курсантов разведывательно-диверсионных школ, кроме того проанализирована их гендерное, этнонациональное и социальное происхождение, мотивация. С. В. Кулинок вполне обоснованно утверждает, что, несмотря на значительное количество таких специальных учебных заведений и большую численность выпущенной ими агентуры, нацистам не удалось сделать ее эффективной. Советские органы безопасности практически полностью нейтрализовали такую деятельность. Концепция С. В. Кулинка, источниковая база, приведенные факты, научно-справочный аппарат и методология позволяют сделать вывод, что данная монография является уникальным и существенным вкладом в историографию Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Белоруссия, нацистские спецслужбы, немецкие разведывательно-диверсионные школы, нацистская оккупация, коллаборационизм, С. В. Кулинок.

Важной стороной войны нацистской Германии против СССР являлась деятельность спецслужб, направленная на получение разведывательной информации военного, политического и экономического характера, дезорганизацию советского тыла и создание «пятой колонны». Для выполнения этих задач были

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023–2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект: «Критический анализ концепта неокolonialизма применительно к советскому опыту национальной политики и этнокультурного развития».

задействованы значительные материальные и людские ресурсы, связанные, в том числе, с подготовкой агентуры. По самым приблизительным подсчетам, для этого только на оккупированных территориях СССР было развернуто около 120 разведывательно-диверсионных школ и курсов, где прошли подготовку десятки тысяч агентов из числа гражданского населения и военнопленных. Значительная часть из них сдались советским органам безопасности при первой же возможности, или были разоблачены, не успев приступить к выполнению своих заданий. Однако нельзя сказать, что эти школы и курсы работали впустую, а выходящая из них агентура не влияла на события, происходившие на Восточном фронте или в его тылу по обе стороны.

Можно констатировать, что вопрос создания и деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на оккупированных советских территориях является актуальным для современной исторической науки. Во-первых, анализ процессов подбора будущей агентуры, ее подготовки и использования хорошо раскрывает эту сторону противостояния советских и немецких спецслужб. Во-вторых, привлечение советского гражданского населения и военнопленных в эти школы напрямую связано с проблемой коллаборационизма, которая является не менее актуальной для понимания целого ряда событий Великой Отечественной войны. Наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что деятельность немецких спецслужб и подготовленной ими агентуры – это важный фактор истории партизанского движения, его динамики и результатов. С определенного момента значительная часть усилий немецких агентов направлялась на борьбу с советскими народными мстителями. Например, на территории оккупированной Белоруссии, где партизанское движение было одним из самых массовым и создавало оккупантам много проблем.

Тем не менее, нельзя сказать, что все эти проблемы нашли свое отражение в историографии Великой Отечественной войны. В силу целого ряда причин можно констатировать почти полное отсутствие комплексных работ по истории немецких разведывательно-диверсионных школ на оккупированных советских территориях. Аспекты, связанные с этой темой, крайне фрагментарно рассматриваются в общих работах, посвященных противостоянию советских и немецких спецслужб, либо в работах о партизанском и подпольном движении [2; 10; 11]. После начала рассекречивания и публикации материалов советских спецслужб большой объем информации о подготовке и использовании немецкой агентуры появился в сборниках архивных документов. Правда, этого явно недостаточно [1].

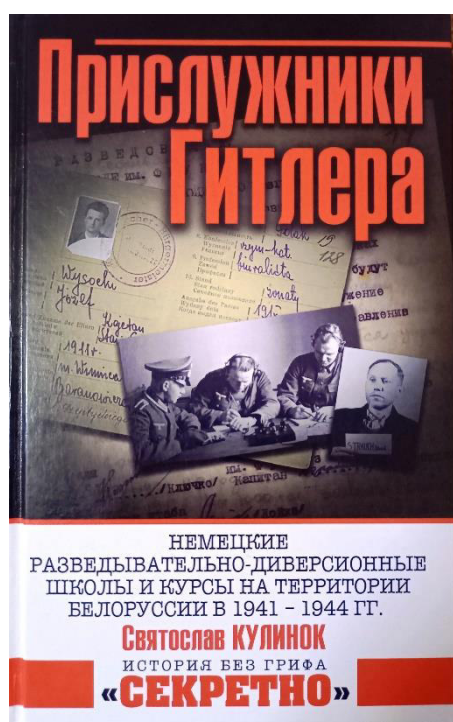
Поэтому, в связи со всем вышесказанным, нельзя не упомянуть монографию известного белорусского историка, кандидата исторических наук, С. В. Кулинка «Прислужники Гитлера» (М., 2020), посвященную истории создания и деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории оккупированной Белоруссии [9]. Подчеркнем, что на данный момент – это пока единственное комплексное исследование, в котором идет речь обо всех сторонах процесса отбора агентуры, ее подготовки и использования, как против Красной армии, так и против партизанского движения. Также необходимо сказать, что, пусть и написанная на

белорусском материале, эта монография помогает понять некоторые общие вопросы привлечения советских граждан и военнопленных для работы на немецкие спецслужбы. Наконец, следует отметить, что автор уже довольно давно занимается данной проблематикой. За последние десять лет им был подготовлен и опубликован цикл статей, в которых анализировались некоторые аспекты истории немецких спецслужб на территории оккупированной Белоруссии. В своей новой монографии С. В. Кулинок обобщил предыдущие наработки и дополнил их новыми фактами и выводами [3–8].

Главной целью исследования С. В. Кулинка является создание комплексной и всесторонней картины деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Белоруссии в период с 1941 по 1944 г. Также автор поставил перед собой две второстепенные цели: рассмотреть систему подготовки вражеской

агентуры и дать оценку эффективности ее работы в советском тылу и против партизанского движения [9, с. 8–9].

В теоретической главе своей монографии С. В. Кулинок проанализировал практически всю историографию, имеющую прямое или косвенное отношение к его проблематике, начиная с 1940-х гг., разделив ее на советскую и современную. По мнению автора, несмотря на ряд достижений отечественной и зарубежной историографии, связанных, прежде всего, с введением в научный оборот некоторых фактов по истории немецких разведывательно-диверсионных школ, нельзя сказать, что исследователи смогли ответить на вопрос, что они собой представляли вообще и на территории Белоруссии в частности. Это – с одной стороны. С другой – поскольку тема немецких разведывательно-диверсионных школ тесно связана с общими вопросами нацистской оккупации этой советской республики, С. В. Кулинок использовал для

более полного ее раскрытия литературу по истории спецслужб в период Великой Отечественной войны, коллаборационизму, партизанскому движению и повседневности гражданского населения. В итоге, список его литературы насчитывает сотни монографий и статей на русском, белорусском, украинском, немецком и английском языках, позволивших понять, что нуждается в изучении, что – в уточнении, а что – и в полном переосмыслении [9, с. 12–59].

Источниковая база монографии весьма разнообразна и представлена широким спектром опубликованных документов, мемуаристики, периодических изданий за 1941–1944 гг. и материалов из российских, украинских и белорусских архивов.

Материалы из последних являются наиболее многочисленными, и, по сути, на их основе написана монография С. В. Кулинка. Прежде всего, это документальные коллекции Национального архива Республики Беларусь (г. Минск), имеющие отношение к деятельности советских спецслужб, партизанскому и подпольному движению, а также трофейные немецкие материалы, как переведенные, так и на языке оригинала. Несмотря на определенный перекокс, связанный со спецификой работы советских органов безопасности и партизанской контрразведки, эти документы позволяют воссоздать довольно полную картину истории немецких спецслужб на территории Белоруссии вообще и в части, касающейся подготовки и использования ими агентуры для заброски в советский тыл и партизанские отряды. Говоря, в целом, об архивных источниках, необходимо подчеркнуть, что С. В. Кулинок вводит их в научный оборот впервые, поскольку большая часть из них до этого находилась на специальном хранении, не выдавалась исследователям и не публиковалась [9, с. 60–81].

Глубокое знание историографии и, как следствие, отчетливое понимание того, что уже изучено, а что еще нуждается в дальнейшем изучении, разнообразная и репрезентативная источниковая база, четкая цель исследования позволили С. В. Кулинку разработать последовательную и логичную структуру своей монографии. Она состоит из введения, одной теоретической главы, о которой было сказано выше, пяти проблемных глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

Система немецких разведывательно-диверсионных школ, функционировавших в 1941–1944 гг. на территории Белоруссии, рассматривается в пяти проблемных главах. С. В. Кулинок показывает, что представлял собой нацистский оккупационный режим в этой советской республике, и какую роль в нем играли спецслужбы. Он вполне обоснованно отмечает их значительное количество и разветвленность, а также важность, наряду с частями вермахта и силами полиции, в укреплении и поддержании «нового порядка». Все эти факторы, а также значимость белорусской территории с точки зрения устойчивости тыла немецкого Восточного фронта, привели к тому, что для подготовки разведчиков и диверсантов оккупанты тратили огромное количество сил и средств. В целом, этой работой занимались практически все немецкие спецслужбы и связанные с ними структуры. При этом С. В. Кулинок показывает, что между ними имело место своеобразное «разделение труда». Если абвер, полиция безопасности, СД (прежде всего Предприятие «Цепелин») и тайная полевая полиция создавали и курировали такие школы, то комендантуры разного уровня и полевая жандармерия играли роль принимающих и координирующих центров для работы с резидентурами и агентами-одиночками [9, с. 83–191].

По данным С. В. Кулинка всего на территории Белоруссии было создано 68 различных школ и курсов, где готовили таких агентов (в советской историографии было известно только о, чуть более 20). Кроме того, советским органам безопасности и партизанской контрразведке приходилось противодействовать агентуре, подготовленной за пределами Белоруссии: на других оккупированных

территориях СССР, а также в Германии и Польше этим занималось более 35 учебных центров. Наконец, в Белоруссии действовало еще 25 школ и курсов «двойного назначения», в которых готовили офицерские и унтер-офицерские кадры для коллаборационистских формирований. Тем не менее, некоторая часть таких курсантов привлекалась и для разведывательно-диверсионной работы. К сожалению, трудно установить, сколько конкретно школ из указанных выше 68 были открыты теми или иными нацистскими спецслужбами. По мнению С. В. Кулинка на данный момент можно точно утверждать, что абверу и СД подчинялись примерно 30 школ. Ведомственную принадлежность остальных установить довольно сложно даже сейчас – сказывается специфика такой деятельности, а также путаница в терминах, зафиксированных в документах советских органов госбезопасности [9, с. 192–198, 388–570].

Важная часть монографии – структурно-функциональный анализ деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Белоруссии. После установления общего количества и подчиненности этих учебных заведений, С. В. Кулинок показывает главные аспекты их функционирования. Это: виды школ, система подготовки агентуры, основные направления ее использования. Опираясь на документы советских спецслужб и на трофейные немецкие материалы, автор подчеркивает, что у оккупантов не было какой-то четкой типологии таких учебных заведений. Но в целом, конечно, их можно условно разделить по ведомственной принадлежности, периоду существования, количеству курсантов, длительности подготовки агентуры и ее специализации. При этом, как доказывает С. В. Кулинок, количество курсантов и длительность их подготовки не влияли на их общее качество и эффективность. В больших стационарных школах могли готовить множество агентов, которые при первой возможности сдавались советской стороне, а на краткосрочных курсах учились «штучные» агенты, создававшие впоследствии множество проблем, например, партизанскому движению [9, с. 198–222].

Что касается специализации школ, то она была довольно разнообразной. Как правило, абвер нуждался в агентах-ходоках, разведчиках, диверсантах, радистах и т.д. для заброски в советский тыл. Полицейские структуры готовили агентов-провокаторов для борьбы с партизанами и подпольщиками и их потенциальными сторонниками. Более интересной была специализация у агентуры связанного с СД Предприятием «Цепелина». Его основной профиль – подготовка кадров для организации повстанческого движения и агентов-пропагандистов. Поскольку Белоруссия являлась целиком оккупированной территорией, основные усилия здесь прилагались для борьбы с советским партизанским движением. Известно, что в этой советской республике оно было очень мощным и эффективным, а также контролировало значительные территории – так называемые «партизанские края» и «партизанские зоны». Поэтому, начиная с 1943 г., оккупанты начинают переориентацию местной и прибывающей из других регионов агентуры на противодействие народным мстителям. С. В. Кулинок отмечает несколько форм такого противодействия. Во-первых, это – работа агентов-провокаторов с целью выявления потенциальных или реальных сторонников партизан. Во-вторых,

окупанты засылали в партизанские отряды разведчиков и диверсантов, которые должны были собирать сведения и участвовать в ликвидации партизанского военно-политического комсостава. Наконец, в-третьих, на оккупированных советских территориях имела место такая форма борьбы с партизанским движением, как создание лжепартизанских отрядов. Как правило, их также создавали из агентуры разного профиля, прошедшей обучение в разведывательно-диверсионных школах. Основная цель – компрометация советской власти и народных мстителей путем совершения насилия над гражданским населением. С. В. Кулинок установил около 25 таких формирований. По его мнению, на определенном этапе лжепартизаны имели некоторый успех, но по итогу, их участие в борьбе с партизанским движением было малоэффективным [9, с. 222–291].

В целом, за годы оккупации Белоруссии в школах всех типов немецким спецслужбам удалось подготовить около 20 тыс. агентов разного профиля (или 160 выпусков). Следует отметить, что эта цифра установлена С. В. Кулинком, поэтому он очень подробно анализирует состав вражеской агентуры и ее мотивацию. Можно сказать, что этот состав был весьма разнообразным и являлся, по сути, срезом белорусского оккупированного сообщества. И здесь автор приходит к следующим выводам. Основным резервом для пополнения контингента разведывательно-диверсионных школ являлись советские военнопленные – около 70% от общего количества подготовленных агентов. На территории оккупированной Белоруссии было примерно 160 различных лагерей для военнопленных. А с учетом того, в каких условиях они содержались, такая цифра не кажется преувеличением. Военнопленные попадали в школы либо напрямую из лагеря, либо – после вступления в коллаборационистские формирования, для пополнения которых они также являлись основным контингентом [9, с. 303–311].

Остальные 30% агентуры набирались из гражданского населения всех категорий, которые С. В. Кулинок проанализировал по трем основным параметрам: гендерному, социальному и этнонациональному. Как правило, типичный агент – это взрослый мужчина. Однако нацистские спецслужбы широко использовали для внедрения, прежде всего, в партизанское движение, женщин и детей. Автор объясняет это тем, что, с одной стороны они были наиболее массовой категорией гражданского населения на оккупированных территориях, а с другой – относились к наиболее незащищенным слоям населения. Наконец, агент-женщина или агент-ребенок до определенного момента вообще могли не вызывать подозрений у народных мстителей. И только после того, как отдельные случаи стали системой (начиная с середины 1942 г.), на такую агентуру стали обращать более пристальное внимание. Всего, по подсчетам С. В. Кулинка, на территории оккупированной Белоруссии работало 20 «женских» и 14 «детских» разведывательно-диверсионных школ, выпустивших, в общей сложности, около 6 тыс. агентов. По понятным причинам такую агентуру использовали для сбора информации, небольших диверсий или ликвидации представителей партизанского военно-политического комсостава. Причем, методы для этого могли быть самыми экзотическими: автор

упоминает случай женщины-агента, которую внедрили в отряд, чтобы заразить его бойцов и командиров сифилисом [9, с. 311–351].

С. В. Кулинок справедливо отмечает, что в отличие от обычных коллаборационистских формирований, где в основу создания часто ставился этнонациональный признак, использование различных этнических групп для участия в разведывательно-диверсионной деятельности оккупантов – один из малоисследованных вопросов. В монографии он довольно подробно разбирает этот вопрос, указывая, что такой признак был довольно часто существенным при создании той или иной школы. В целом, если от него отталкиваться, то можно отметить следующие важные особенности. По этнонациональному признаку все разведывательно-диверсионные школы делились на три типа: белорусские, интернациональные и небелорусские. В силу того, что белорусское население преобладало на оккупированной территории, первый тип школ был самым распространенным. Второй тип – это, преимущественно, крупные школы с длительной подготовкой, куда набирали военнопленных. Таких школ было меньше, чем первых, но за счет количества выпускаемой агентуры эффективность их работы примерно сопоставима. Последний тип являлся крайне редким и использовался Предприятием «Цепелин» для подготовки своей агентуры из числа военнопленных неславянских национальностей. Далее. По тем же вышеуказанным причинам, 70% агентуры – это этнические белорусы. Агенты русской национальности составляли около 10%, украинской – около 7%, польской – около 3%. В оставшиеся проценты входили все остальные – фольксдойче, прибалты, жители Кавказа и Средней Азии и даже евреи. Интересно, что, несмотря на все установки «окончательного решения еврейского вопроса» немецкие спецслужбы довольно регулярно использовали представителей этого народа в своих акциях против белорусского партизанского движения. Понятно, что евреи шли на это не по доброй воле – в плане защищенности на оккупированных территориях им было хуже даже, чем женщинам и детям, о которых говорилось выше. Всего, по подсчетам С. В. Кулинка, нацистские спецслужбы подготовили от 300 до 500 агентов-евреев, что составляет 2–2,5% от общего количества агентуры [9, с. 351–372].

Рассматривая социальные аспекты вербовки и подготовки агентуры, автор совершенно справедливо указывает, что оккупанты активно привлекали к разведывательно-диверсионной работе такие категории гражданского населения и представителей таких профессий, которым было наиболее легко внедриться в партизанское движение. Это, например, инвалиды, лесники, учителя, агрономы или медицинские работники (в последних партизаны нуждались особенно сильно). Как правило, представители этих категорий населения вербовались на Бирже труда или в других организациях оккупационного режима, отвечавшего за вопросы соцобеспечения. Тем не менее, С. В. Кулинок приходит к выводу, что говорить о каких-то закономерностях или устойчивой тенденции в привлечении представителей той или иной профессии некорректно. Прежде всего, главную роль играли признаки, по которым потенциальный кандидат подходил для вербовки, а подготовленный агент – для выполнения того или иного задания. Поэтому,

зачастую более подходящим с таких точек зрения был подросток-инвалид, чем, например, член семьи убежденного коллаборациониста [9, с. 372–387].

Что представляла собой мотивация лиц, которые шли в разведывательно-диверсионные школы, а потом становились немецкими агентами? Ответить на вопрос, кто из них поступал так добровольно, осознанно и намеренно наиболее сложно, даже с учетом того комплекса архивных документов, которые собрал С. В. Кулинок. В его монографии описывается много разных случаев, где разоблаченные агенты рассказывают о себе и своих подельниках. Учитывая специфику партизанского следствия и особенности работы советских органов безопасности, можно выделить три основные категории мотивации. Первой категорией руководствовались идейные агенты, похожие по своим мотивам на такую же категорию гражданских и военных коллаборационистов. Как правило, они и выходили из среды последних, либо являлись членами их семей, или, как вариант, состояли в каких-то националистических организациях. Выше уже упоминались специальные школы для подготовки коллаборационистского комсостава. Из националистических организаций с этой точки зрения наиболее перспективным был Союз белорусской молодежи. Вторая категория – те, кто стояли на противоположной стороне мотивационного спектра, и шли в разведывательно-диверсионные школы по заданию партизан или советских органов госбезопасности. Но их, как и первых, насчитывалось относительно немного. Поэтому, наиболее массовой, третьей категорией агентов являлись те, для кого такая деятельность была своеобразной стратегией выживания. Не секрет, что многие военнопленные становились коллаборационистами, спасаясь от нечеловеческих условий в лагерях. Про женщин, детей и евреев уже было достаточно сказано выше. Также имели место случаи, когда людей вынуждали шпионить или совершать диверсии, взяв в качестве заложников их родных и близких. В общем, типичных и нетипичных историй было довольно много, вплоть до того, что немцы, как писали в отчетах советские контрразведчики, использовали в своих разведывательных целях «полуидиотов, криминальный и аморальный элемент (жулики, проститутки)». В связи с этим, на наш взгляд, анализ этих сторон деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Белоруссии является наиболее сильной и важной частью монографии С. В. Кулинка. Через их призму можно по-новому посмотреть на историю этой советской республики в 1941–1944 гг., и особенно – на проблему коллаборационизма [9, с. 303–387].

Завершая свое исследование четкими и хорошо аргументированными выводами, С. В. Кулинок справедливо отмечает, что за годы оккупации Белоруссии нацисты создали здесь большой и разветвленный аппарат спецслужб. Этот аппарат, с одной стороны, был встроен в разведсообщество нацистской Германии на Восточном фронте, а с другой – являлся одним из инструментов «нового порядка» на территории Белоруссии. Важность этой советской республики как тыла действующей немецкой армии, а также серьезная партизанская опасность и обусловили тот факт, что здесь находилась, фактически, половина из всех разведывательно-диверсионных школ и курсов, созданных для борьбы против

СССР. Через них прошли тысячи агентов, которые должны были парализовать тыл Красной армии и помочь оккупантам ликвидировать народных мстителей. Но, подчеркивает автор, этого не произошло. Качество подготавливаемой агентуры, особенно во второй половине войны, а, главное, эффективное противодействие советских органов госбезопасности, привели к тому, что оперативно-стратегические цели немецкой разведки не были реализованы. Зброшенные в советский ближний или дальний тыл агенты либо проваливались, либо сдавались советским органам госбезопасности, либо вообще терялись из виду своих кураторов. С. В. Кулинок делает вывод, что гораздо более результативно выпускники немецких разведывательно-диверсионных школ действовали против партизан. И во многом это было связано с реалиями оккупации, о которых говорилось выше. Конечно, целиком ликвидировать партизанское движение у нацистов не получилось, но создать ему проблемы, особенно на начальном этапе, вполне удалось. Так можно указать на активное участие немецкой агентуры в разведывательном обеспечении антипартизанских операций оккупационного режима и компрометацию народных мстителей путем создания лжепартизанских отрядов. Наконец, весьма интересен такой специфический результат деятельности вражеских агентов, как создание атмосферы шпиономании в партизанских формированиях. Борьбы с мнимыми и реальными шпионами отнимала много сил и средств, и снижала общую боеспособность партизан. Тем не менее, начиная с 1943 г., и эти успехи нацистов практически прекратились. На белорусском уровне улучшилось контрразведывательное обеспечение партизанских отрядов, а в рамках всего Восточного фронта произошел коренной перелом в ходе войны, что, конечно, было наиболее эффективной мерой против участия советских граждан в военных усилиях нацистской Германии, и, в частности, в плане работы на спецслужбы врага [9, с. 621–649].

Монография С. В. Кулинка представляет собой фундаментальный и полностью законченный научный труд. Текст написан интересно и хорошим научным языком, а вклейка с иллюстрациями его прекрасно дополняет. Однако выскажем, в качестве дискуссии, некоторые пожелания, которые автор может учесть в последующих изданиях. Структура монографии, безусловно, логичная, а все факты излагаются в строгом соответствии с принципами историзма, объективности и причинности. Правда, в некоторых местах она излишне перегружена повторами. Например, одна и та же информация о количестве разведывательно-диверсионных школ и их локализации приводится в разных главах, а потом еще и пересказывается в заключении. В такой подробной монографии, с огромным количеством, фактов, персоналий и географических названий следовало бы составить соответствующие указатели. А чтобы читатели не путались в названиях, местоположении и профиле разведывательно-диверсионных и прочих школ необходимы приложения в форме схем, таблиц и карт.

Тем не менее, высказанные пожелания носят исключительно рекомендательный характер. Безусловно, книга С. В. Кулинка представляет собой уникальное издание, не имеющее аналогов в отечественной и зарубежной

историографии. По методологическим подходам, собранной источниковой базе и приведенным в тексте фактам его исследование ценно не только само по себе. В данном случае оно может служить примером для тех, кто занимается или собирается заниматься подобной проблематикой, связанной с противостоянием спецслужб в период Великой Отечественной войны. Наконец, книг об истории Белоруссии в период 1941–1944 гг. написано довольно много. Однако, исследование С. В. Кулинка – первое, где такие аспекты нацистской оккупации, как коллаборационизм, партизанское движение, гендерный и этнонациональный факторы показаны через призму очень специфической проблематики. На наш взгляд, это делает его книгу интересной не только узким специалистам, занимающимся историей спецслужб, но и всем, кто изучает повседневность нацистского «нового порядка» на оккупированных советских территориях.

Список использованных источников и литературы

1. Битва за Крым в документах органов государственной безопасности / Авт.-сост. И. Н. Верешков, С. Н. Ткаченко; Под ред. О. В. Романько, В. С. Христофорова, С. Н. Ткаченко. – Симферополь: Н. Орианда, 2020. – 452 с.
Bitva za Krym v dokumentah organov gosudarstvennoj bezopasnosti / Avt.-sost. I. N. Vereshkov, S. N. Tkachenko; pod red. O. V. Romanko, V. S. Hristoforova, S. N. Tkachenko. – Simferopol': N. Orianda, 2020. – 452 s.
2. Иоффе Э. Г. Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. – Минск: Харвест, 2007. – 384 с.
Ioffe Je. G. Abver, policija bezopasnosti i SD, tajnaja polevaja policija, otdel «Inostrannye armii – Vostok» v zapadnyh oblastjah SSSR. Strategija i taktika. 1939–1945 gg. – Minsk: Harvest, 2007. – 384 s.
3. Кулинок С. В. Деятельность немецких разведывательно-диверсионных и шпионских школ на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2014. – Вып. 15. – С. 57–68.
Kulinok S. V. Dejatel'nost' nemeckih razvedyvatel'no-diversionnyh i shpionskih shkol na okkupirovannoj territorii Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: istoriografija problemy // Belaruski arheografichny shtogodnik. – 2014. – Vyp. 15. – S. 57–68.
4. Кулинок С. В. Агенты в юбках // Беларуская думка. – 2014. – № 11. – С. 82–90.
Kulinok S. V. Agenty v jubkah // Belaruskaja dumka. – 2014. – № 11. – S. 82–90.
5. Кулинок С. В. Дети-диверсанты немецких спецслужб // Беларуская думка. – 2015. – № 10. – С. 80–86.
Kulinok S. V. Deti-diversanty nemeckih spetsluzhbn // Belaruskaja dumka. – 2015. – № 10. – S. 80–86.
6. Кулинок С. В. Документальные источники Национального архива Республики Беларусь о деятельности немецких разведывательно-диверсионных школ на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Вестник архивиста. – 2016. – № 4. – С. 74–86.
Kulinok S. V. Dokumental'nye istochniki Nacional'nogo arhiva Respubliki Belarus' o dejatel'nosti nemeckih razvedyvatel'no-diversionnyh shkol na territorii Belarusi v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik arhivista. – 2016. – № 4. – S. 74–86.
7. Кулинок С. В. Использование немецкими спецслужбами населения в разведывательно-диверсионной работе против партизан Беларуси в 1941–1944 гг. // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. – 2017. – Вып. 17. – Ч. 1. – С. 224–231.
Kulinok S. V. Ispol'zovanie nemeckimi spetsluzhbnami naselenija v razvedyvatel'no-diversionnoj rabote protiv partizan Belarusi v 1941–1944 gg. // Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly. Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki. – 2017. – Vyp. 17. – Ch. 1. – S. 224–231.

8. Кулинок С. В. «...Банда компрометировала советскую власть и настоящих народных мстителей – партизан»: лжепартизаны против партизан // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3. – С. 51–67.

Kulinok S. V. «...Banda komprometirovala sovjetskiju vlast' i nastojashhij narodnyh mstitelej – partizan»: lzhepartizany protiv partizan // Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskij issledovanij. – 2018. – № 3. – S. 51–67.

9. Кулинок С. В. Прислужники Гитлера. Немецкие разведывательно-диверсионные школы и курсы на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. – Москва: Яуза-каталог, 2020. – 704 с.

Kulinok S. V. Prisluzhniki Gitlera. Nemeckie razvedyvatel'no-diversionnye shkoly i kursy na teritorii Belorussii v 1941–1944 gg. – Moskva: Jauza-katalog, 2020. – 704 s.

10. Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны / Сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь: Главное управление СБУ в АР Крым, 2011. – 656 с.

Struktura i dejatel'nost' organov germanskoj razvedki v gody Vtoroj mirovoj vojny / Sost. A. V. Valjakin, A. A. Kohan. Simferopol': Glavnoe upravlenie SBU v AR Krym, 2011. – 656 s.

11. Чуев С. Г. Спецслужбы Третьего Рейха: В 2 кн. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – Кн. 1–2.

Chuev S. G. Spetsluzhby Tret'ego Rejha: V 2 kn. – SPb.: Izdatel'skij Dom «Neva», 2003. – Kn. 1–2.

Romanko O. V. German intelligence and sabotage schools in the territory of occupied Belarus. New facts about the military, ethnonational and social aspects of the confrontation between the special services during the Great Patriotic War

This publication is a review of the monograph by the Belarusian historian S. V. Kulinok, which examines the history of the creation and activities of German intelligence and sabotage schools in the territory of Belarus during the occupation of 1941–1944. Lean on a significant base of archival sources and literature, S. V. Kulinok managed to recreate a holistic picture of this side of the confrontation between the Soviet and Nazi special services during the Great Patriotic War. The monograph analyzes the system of German intelligence and sabotage schools in the territory of Belarus, as well as their departmental affiliation. The main aspects of their activities related to the peculiarities of agent training and the main directions of its use (the Soviet rear and the fight against the partisan movement) are considered. The base from where the Nazis drew manpower of cadets of intelligence and sabotage schools is shown, in addition, their gender, ethnonational and social origin, motivation are analyzed. S. V. Kulinok quite reasonably argues that, despite the significant number of such special educational institutions and the large number of agents they released, the Nazis failed to make it effective. The Soviet security agencies almost completely neutralized its activities. The concept of S. V. Kulinok, the source base, the facts given, the scientific reference apparatus and methodology allow us to conclude that this monograph is a unique and significant contribution to the historiography of the Great Patriotic War.

Keywords: Belarus, Nazi special services, German intelligence and sabotage schools, Nazi occupation, collaboration, S. V. Kulinok.